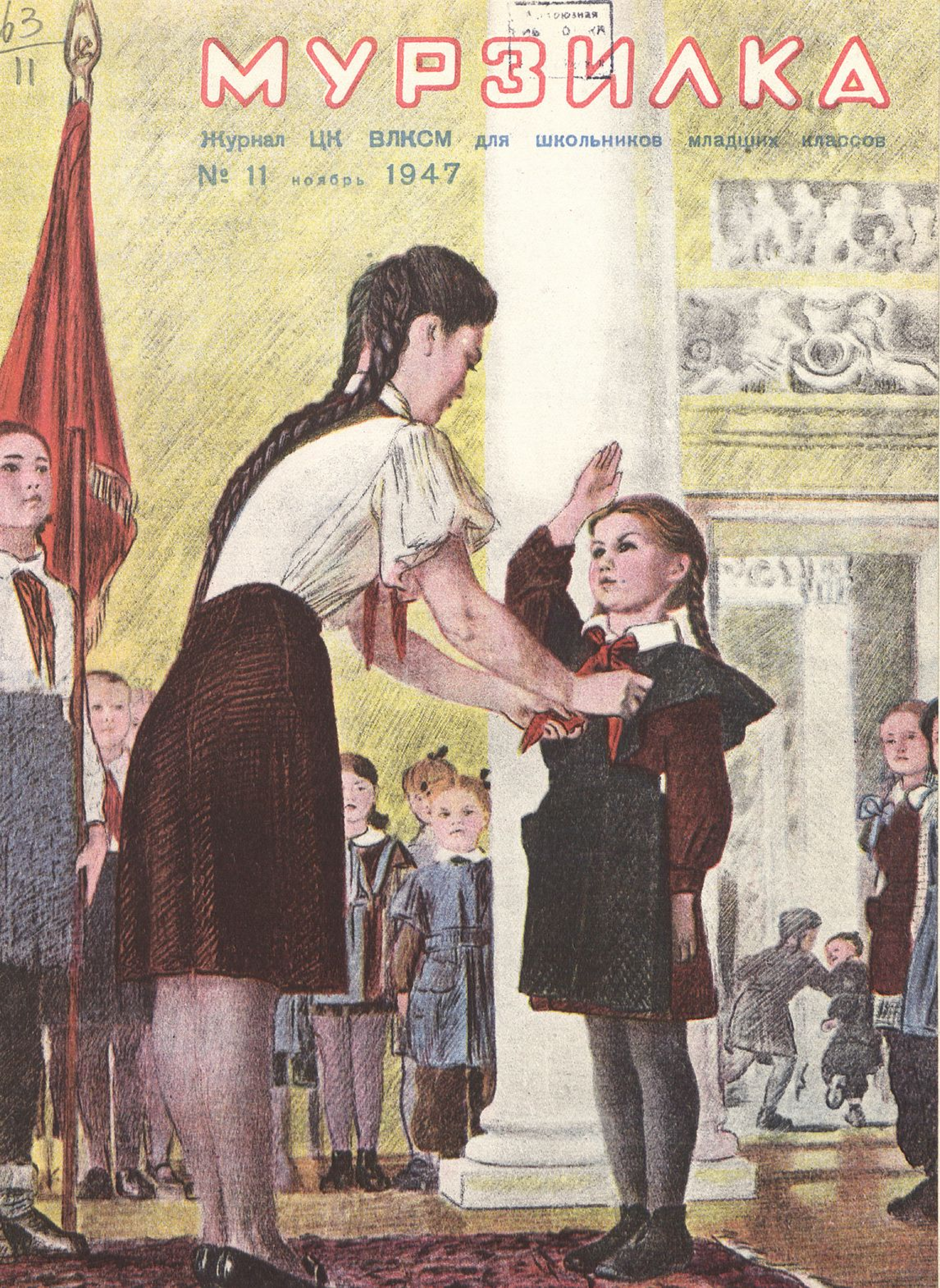

МУРЗИЛКА
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
№ 11 ноябрь 1947

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Рис. В. ЖИТЕНЁВА

Я ДОМА НЕ ЛЮБЛЮ СИДЕТЬ...

Я дома не люблю сидеть,
Мне нравится ходить.
Люблю ходить, люблю глядеть,
Друзей с собой водить.

Люблю глядеть на облака,
На солнечный восход,
На то, как гулкая река
Разламывает лёд.

На то, как мастерит столяр
Стол, стул иль табурет
И красит комнаты маляр
В любой весёлый цвет.

Как дворник убирает двор,
Сгребает в кучи снег,
И как танцует полотёр —
Весёлый человек.

На то, как разрушают дом —
Он стар, его — на слом,
И как на пустыре потом
Возводят новый дом.

Как в бурю, в зной или в мороз,
Под ветра острый свист,
Ведёт тяжёлый паровоз
Бесстрашный машинист.

Я дома не люблю сидеть,
Нет, не люблю сидеть.
Мне нравится на мир глядеть,
На солнечный глядеть!

ИОСИФ ДИК

Рис. В. ГОРЯЕВА

САЛЮТ

Задача не выходила. Как ни вертелся Саша на стуле, то вставая на него коленками, то подкладывая под себя ногу, как ни перечитывал условие, — его ответ даже ни одной цифрой не походил на ответ в задачнике.

Саша отчаянно грыз ручку. Задачу нужно было решить во что бы то ни стало.

Заработать двойку никому не хочется, а Саше тем более. Он уже однажды испытал такое, что никому не пожелаешь. На уроке рисования все рисовали кувшин, а Саша взял да и надел — случайно — этот кувшин себе на голову. Думал, что учитель не заметит, — он ходил взад и вперёд по классу. А учитель заметил, поставил двойку по дисциплине и ещё поставил вторую по рисованию. А мама, узнав об этом, сразу — бац! — письмо папе: дескать, смотри, как твой сын учится, совсем развинтился.

Ух, и чего только тогда не обещал Саша, лишь бы мама не посылала такого письма папе! Прямо страшно вспомнить: и подметать пол, и мыть посуду, и надевать калоши, и получать хорошие отметки...

Это, конечно, можно — получать хорошие отметки, только стоит захотеть. Да и вообще интересно читать учебники и не на отметку. Читаешь — и всё понятно, и всё запоминается, например, по географии.

Но вот, скажем, арифметика. Уж больно долго над ней надо думать. Особенно над задачками. На дворе снег липкий, снежки можно делать, а тут — сиди и думай!

Саша поправил чернильницу, спрятал в ящик журнал «Огонёк», чтобы не отвлекаться яркой фотографией, и выключил радио.

И сразу в комнате стало тихо. Только у соседа за стенкой радио продолжало говорить. Оно уже не отвлекало, а наоборот — краем уха слушать его было даже приятно. Саша не любил тишины. Жить в тишине — это всё равно, что ни с кем не разговаривать или жить одному. А у Саши мать на работе, отец где-то под Киевом на фронте.

Саша опять сел за стол и положил подбородок на скрещенные руки.

«Киев скоро возьмут, — задумался он. — Вот будет салют, так салют! Наверно, двадцать залпов из трёхсот двадцати четырёх орудий бабахнут! И одна какая-нибудь из ракет взлетит в честь отца...»

О том, что вечером будет салют, Саша догадывался ещё днём: по улицам везли зенитные пушки. Во время салюта он все-

гда выбегал на улицу. На бульваре, что напротив Сашиного дома, уже полно мальчишек. Иногда на землю падает прогоревшая, но ещё не потухшая ракета. Ребята кидаются к ней и наперебой кричат: «Чур моя салютина! Чур моя!» Начинается «куча мала», смех.

За последнее время салютины хватать приходится часто. Кончики пальцев у Саши даже слегка обожжены. Это не беда! Зато как приятно вытаскивать в школе из кармана обгорелые трубки и хвастать ими перед ребятами. Об одном только жалел Саша: нигде и никак нельзя было достать настоящую ракету, чтобы самому запустить её в воздух. Вот было бы здорово!

Но салют салютом, а задачу надо решать.

И только Саша обмакнул в чернильницу ручку — до него донеслись позывные: за стеной у соседа невидимые молоточки звонко выбивали: «Широка страна моя родная...»

«Салют! — радостно подумал Саша. — Не иначе, как взяли Киев!»

Выскочив из-за стола, он захлопал в ладоши и уже вслух закричал:

— Ура! Немцев по шапке!

Ему сразу представилось, как отец со знаменем в руках идёт по улицам Киева, а освобождённые жители несут навстречу хлеб с солью и целуют отца.

Саша схватил шапку, накинул пальто и выскочил за дверь. Прыгая по лестнице через две ступеньки и что-то напевая, он слетел на первый этаж и... стоп.

Саша врезался в красноармейца. В общем, это был не красноармеец — с усами там или пахнущий махоркой, — а девушка в шинели. За ней поднимались ещё девушки и тоже в шинелях. Их было человек восемь.

— Ты что, малец, — схватили Сашу за воротник, — шею себе хочешь сломать? Несёшься, будто пуганый.

Из-под шапки-ушанки у девушки выбивались колечки волос, а лицо было похоже на сочное румяное яблоко.

Саша молча вывернулся и отскочил, пропуская девушек. Последняя несла подмышками две небольшие прямоугольные коробки из белого цинка.

Облокотившись на перила и глядя им

вслед, Саша подумал: «На крышу лезут! Ракеты понесли. Вот бы попросить одну!»

Подождав, пока стук сапог утих, он тоже полез на чердак.

Это место ему было знакомо. Здесь с приятелем Васей Казаковым они думали устроить штаб, для чего произвели глубокую разведку. Штаб расположить не удалось, зато, лазая по чердаку впотьмах (днём управдом не позволил бы), они собственными головами пересчитали все балки.

На чердаке было пыльно. Определив по грохоту железа, — громыхало так, будто ходили великаны, — в какой стороне красноармейцы, то есть девушки, Саша пошёл туда. Впереди в темноте мутным пятном проступало слуховое окно.

Саша выглянул. Слева от него, на ближнем углу крыши, чернели четыре фигуры; направо, чуть подальше, их было тоже четыре. Ближние разговаривали, но почему-то вполголоса.

— Сколько раз ни забиралась на крышу — всегда любуюсь Москвой!

Саша узнал по голосу ту девушку, с которой он столкнулся.

— Сейчас ещё ничего не видно, всё замаскировано, — отвечал кто-то тоненьким голосом. — А вот когда осветится, ох и красивая будет!

— А ты была в Москве до войны?

— Не была, а знаю. Братишка рассказывал...

«А я тут родился, — подумал Саша. — Всё могу о Москве рассказать».

Над головой чернело чистое звёздное небо. Внизу, по улицам, как светящиеся жучки, двигались трамваи, автомобили. На крышу доносились глуховатые звонки, гудки, смех и крики мальчишек.

Саша уже два раза сдерживался, чтобы не чихнуть. Пыль так и лезла в нос. На третий раз не выдержал — чихнул громко и откровенно.

На крыше затихли.

— Слыхали, девочки? — почти шопотом спросил незнакомый голос. — На чердаке кто-то сидит.

— Показалось! — возразил бас. — А впрочем, Лена, возьми фонарик и посмотри!

Саша хотел нырнуть под балку, но не ус-

пел. В нескольких шагах от него вспыхнувший резкий сноп света начал медленно через слуховое окно ощупывать темноту. Наконец скользнул по Саше. Фонарь вздрогнул.

— Ты что тут?

— Я... я... — забормотал испуганно Саша, не находя слов.

— А ну, вылезай!

Саша послушно вылез на крышу и вдохнул чистый воздух.

— Девочки, смотрите, малец тот! — Лена его узнала и рассмеялась. — И что тебя занесло сюда? Глядел бы с улицы!

Прогромыхав сапогами, девушки окружили Сашу.

— Тут интереснее, — осмелел он. — А вы одну ракетку не дадите в честь отца пальнуть? Он у меня сейчас в Киеве.

— Нет уж, брат, ничего не выйдет, — ответила басом, видимо, командир, а затем, поглядев на ручные часы, добавила: — Отойди-ка в сторонку, Соловей-разбойник!

И зычно:

— Приготовиться!

И вдруг над Москвой, от Кремля, полыхнуло розовое зарево.

— Огонь!

Саша увидел, как у девушек вдруг неизвестно откуда появились в руках огромные пистолеты. С треском рванулись в небо новые звёзды: голубые, красные, синие. Москва озарилась, будто улыбнулась в ночи.

— Ура-а! — донеслось с улицы. — Ки-иев!

От первого залпа Саша чуть не свалился с крыши. Ко второму приготовился: заткнул уши и открыл рот. Так его научила Лена. После пятнадцатого залпа Лена похлопала его по плечу и спросила:

— Так говоришь, у тебя отец Киев взял?

— Взял, — ответил Саша. От страшного грохота, ослепительного света и такой же ослепительной гордости за себя он совсем перестал понимать, что происходит вокруг.

— И говоришь, хотел бы отцу просалютовать?

— Хотел бы!

Остальное всё произошло быстро и как во сне. Лена сунула ему в руки огромный пистолет, холодный и тяжёлый, а когда над городом снова полыхнуло розовое сияние, строго сказала:

— Держи крепче ракетницу, не трусь!

— Огонь! — раздался над ухом бас.

Зажмурив глаза, Саша нажал на курок.

— Ура! — донеслось снизу. — Лови салютину!

Когда Саша открыл глаза, разноцветные комки огня уже летели к земле...

Последнего залпа Саша еле дождался. Он торопился домой поделиться своей радостью с мамой.

Пересчитав головой ещё раз все балки на чердаке, но почти не чувствуя боли, он ворвался в квартиру. Мамы дома не оказалось. А поделиться нужно было немедленно, иначе радость была бы не в радость.

И захотелось сразу написать обо всём отцу.

Саша сел за стол и увидел раскрытый задачник. «Эх, отец Киев взял, а я не могу простой задачи решить, — подумал он. — Ну, ничего... Мы сейчас хорошенько подумаем над ней, а потом, как из пистолета, ба-бах и — задачка готова!»

Он потёр озябшие руки, посмотрел на перо — нет ли на нём какого-нибудь волоска, и пододвинул к себе тетрадь...

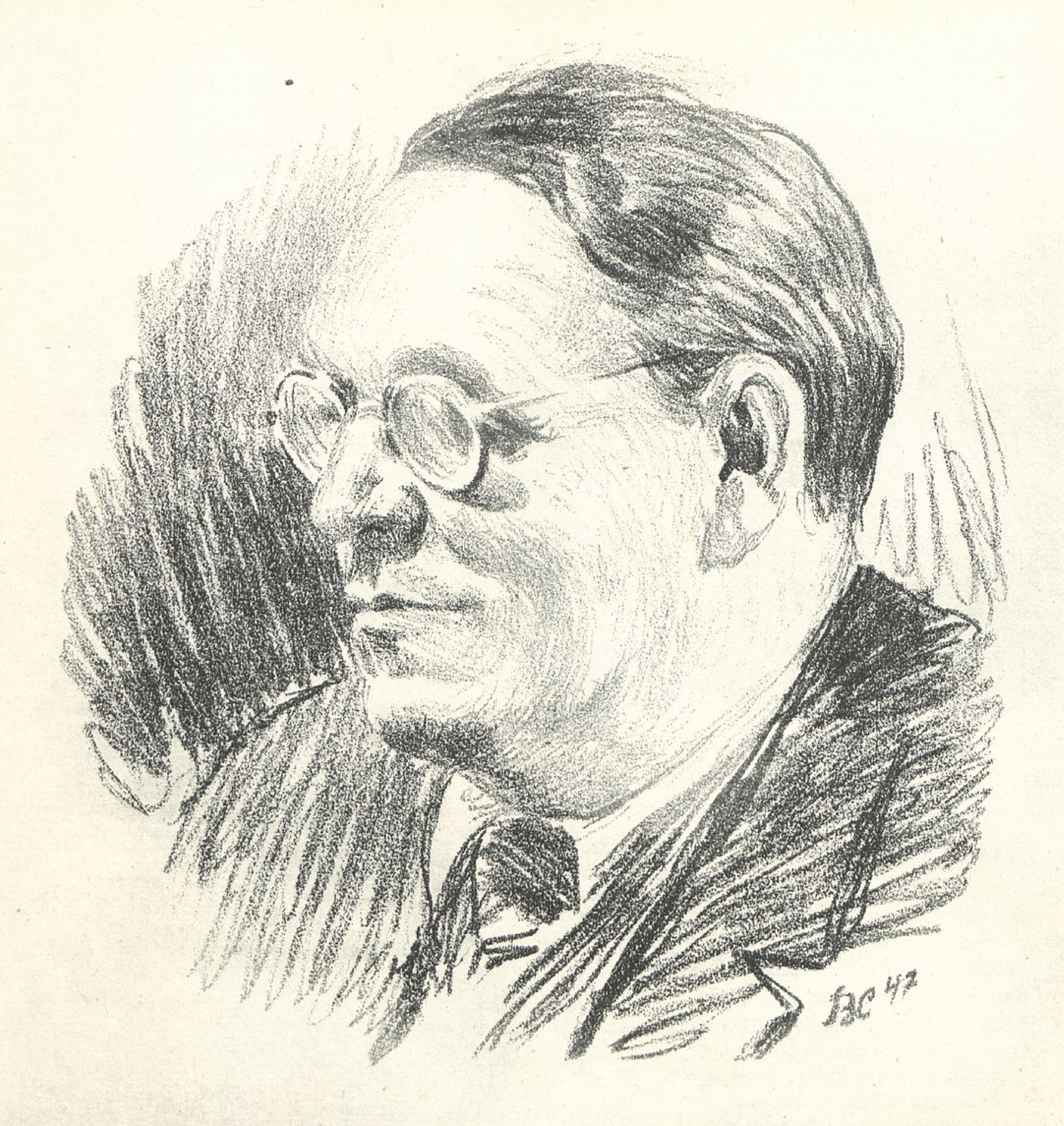
ЗВЁЗДЫ

Потемнели вечера
Ходит осень у двора.
Встанет вечер над ветвями
Набросает звёзд горстями.
В тёмном небе между звёзд
Протянулся белый мост.
Верно, звёзды по нему
Пробегают через тьму?
Зорька флагами помашет,
Потемнеет воздух...
В небе — будто войско наше,
И на шапках — звёзды!

ГЛОБУС

Голубые моря-океаны.
Гребень выпуклой горной гряды...
Подойду и на цыпочки встану,
Белый полюс руками достану
И потрогаю вечные льды.
Плоскогорий цветные платочки.
Реки-змейки, озёра-глазки.
Города, города, будто точки!
Города покрупнее — кружки.
В сетке тонких, как ниточки, линий
И моря и озёра видны,
И леса, и луга, и пустыни
Самой лучшей на свете страны!
И высокие снежные горы —
Это наша родная земля!
Вот и ты — замечательный город,
С огоньками на башнях Кремля!

Самуилу Яковлевичу Маршаку 4 ноября 1947 года исполнилось 60 лет.

За свою долголетнюю творческую жизнь Самуил Яковлевич написал много детских книг: «Двенадцать месяцев», «Война с Днепром», «Вчера и сегодня», «Мистер Твистер», «Вот какой рассеянный», «Наш отряд», «Мастер-ломастер», «Мы военные», «Живые буквы», «Рассказ о неизвестном герое», «Почта военная» и целый ряд других стихов, любимых всеми советскими ребятами.

Советское правительство высоко оценило работу Самуила Яковлевича. Ему дважды присуждена Сталинская премия, он награждён орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и орденом Отечественной войны первой степени.

Редакция журнала «Мурзилка» вместе со всеми юными читателями горячо поздравляет своего любимого писателя и желает ему многих лет жизни. Мы знаем, что Самуил Яковлевич напишет ещё немало новых замечательных книг.

С. МАРШАК

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

В театре для детей

Народу-то! Народу!
Куда ни кинешь взгляд, —
По каждому проходу
Идёт волна ребят.
Сажают их на стулья
И просят не шуметь,
Но шум стоит, как в улье,
Куда залез медведь.
Из длинного колодца —
Невидимо для глаз —
То флейта засмеётся,
То рявкнет контрабас.
Но вдруг погасли лампы,
Настала тишина,
И впереди — за рампой
Раздвинулась стена.
И увидали дети
Над морем облака,
Растянутые сети,
Избушку рыбака.
Внизу запела скрипка
Пискливым голоском —
Заговорила рыбка
На берегу морском.
Все эту сказку знали
О рыбке золотой,
Но тихо было в зале,
Как будто он пустой.
Очнулся он, захлопал,
Когда зажгли огонь,
Стучат ногами об пол,
Ладонью о ладонь.
И занавес трепещет,
И лампочки дрожат, —
Так звонко рукоплещут
Полтысячи ребят.
Ладоней им не жалко.
Но вот пустеет дом,
И только раздевалка
Кипит ещё котлом.
Шумит волна живая,
Бежит по всей Москве, —
Где ветер, и трамваи,
И солнце в синеве.

Листопадничек

(Сказка)

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рис. Е. РАЧЁВА

Осенью, когда осыпался с деревьев золотой лист, родились у старой зайчихи на болоте три маленьких зайчонка.

Называют охотники осенних зайчат листопадничками. Каждое утро смотрели зайчата, как разгуливают журавли по зелёному болоту, как учатся летать долговязые журавлята.

— Вот бы и мне так полетать, — сказал матери самый маленький зайчонок.

— Не говори глупости! — строго ответила старая зайчиха. — Разве полагается летать зайцам?

Пришла поздняя осень, стало в лесу скучно и холодно. Стали собираться птицы к отлёту в тёплые страны. Кружат над болотом журавли, прощаются на всю зиму с милой зелёной родиной. Слышится зайчатам, будто это с ними прощаются журавли:

— Прощайте, прощайте, бедные листопаднички!

Улетели в далёкие страны крикливые журавли. Залегли в тёплых берлогах лежебоки-медведи; свернувшись в клубочки, заснули колючие ежи; спрятались в глубокие норы змеи. Стало ещё скучнее в лесу. Заплакали листопаднички-зайчата.

— Что-то будет с нами? Замёрзнем зимой на болоте.

— Не говорите глупости! — ещё строже сказала зайчиха. — Разве замерзают зайцы зимой? Скоро вырастет на вас густая, тёплая шёрстка. Выпадет снег, будет нам в снегу тепло и уютно.

Успокоились зайчата. Только один самый маленький Листопадничек-зайчонок никому покоя не даёт.

— Оставайтесь здесь, — сказал он своим братьям и сестрам. — А я один побегу за журавлями в тёплые страны.

И убежал тихонько из родного гнезда маленький зайчонок искать журавлиные тёплые страны.

Бежал, бежал Листопадничек по лесу, прибежал к глухой лесной речке. Видит, бобры строят на речке плотину. Подгрызут острыми зубами толстое дерево, ветер подует, упадёт дерево в воду. Запрудили речку, можно ходить по плотине.

— Скажите, дяденьки, зачем вы валите такие большие деревья? — спрашивает Листопадничек бобров.

— Мы для того валим деревья, — говорит старый Бобр, — чтобы заготовить на зиму корм и новую хатку поставить для наших маленьких бобряток.

— А тепло в вашей хатке зимой?

— В нашей хатке очень тепло, — отвечает седой Бобр.

— Пожалуйста, возьмите меня в вашу хатку, — просит маленький зайчонок.

Переглянулись Бобр с Бобрихой и говорят:

— Взять тебя можно. Наши бобрятки бу-

дут рады. Только умеешь ли ты плавать и нырять?

— Нет, зайцы плавать и нырять не умеют. Но я скоро у вас научусь, буду хорошо плавать и нырять.

— Ладно, — говорит Бобр, — вот наша новая хатка. Она почти готова, осталось только крышу доделать. Прыгай прямо в хатку.

Прыгнул Листопадничек в хатку. А в бобровой хатке два этажа. Внизу, у воды, приготовлен корм для бобряток — мягкие ивовые ветки. Наверху настлано свежее сено. В уголке на сене сладко-сладко спят пушистые бобрятки.

Не успел хорошенько осмотреться зайчонок, как бобры над хаткой крышу поставили. Один бобр обглоданные палки таскает, другой замазывает крышу илом. Толстым хвостом громко прищлёпывает, как штукатур лопаткой. Ходко работают бобры.

Поставили бобры крышу, стало в хатке темно. Вспомнил Листопадничек своё светлое гнездо, старую мать-зайчиху и маленьких братьев.

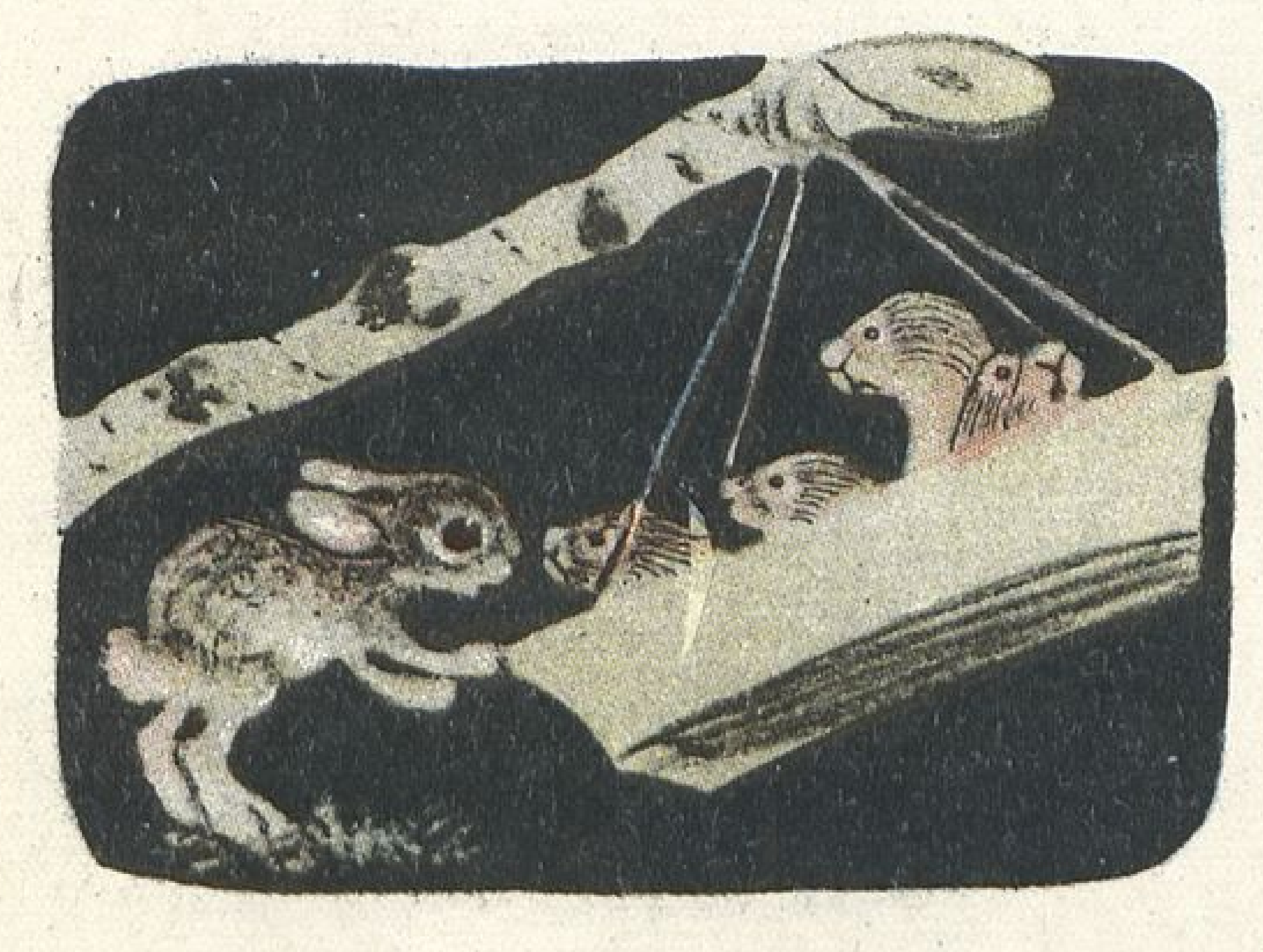
«Убегу-ка в лес, — думает Листопадничек. — Здесь темно, сыро, можно замёрзнуть».

Скоро вернулись бобры в свою хатку. Отряхнулись внизу, обсушились.

— Ну как, — говорят, — как ты себя чувствуешь, зайчонок?

— У вас всё очень хорошо, — говорит Листопадничек. — Но мне нельзя долго здесь оставаться. Мне пора в лес.

— Что делать, — говорит Бобр, — если нужно, ступай. Выход из нашей хатки теперь один — под водою. Если научился хорошо плавать и нырять — пожалуйста.

Сунул Листопадничек лапку в холодную воду.

— Бррр! Ах, какая холодная вода! Уж лучше, пожалуй, у вас на всю зиму останусь, я не хочу в воду.

— Ладно, оставайся, — говорит Бобр. — Мы очень рады. Будешь у наших бобряток нянькой, будешь им корм приносить из кладовой. А мы пойдём на реку работать, деревья валить. Мы звери трудолюбивые.

Остался Листопадничек в бобровой хатке. Проснулись бобрятки, пищат, проголодались. Целую охапку ивовых мягких веток притащил для них из кладовой Листопадничек. Очень обрадовались бобрятки, стали глодать ивовые ветки — быстро-быстро. Зубы у бобров острые, только щепки летят. Обглодали, опять пищат, есть просят.

Намучился Листопадничек, таская из кладовой тяжёлые ветки. Поздно вернулись бобры, стали прибирать свою хатку. Любят бобры чистоту и порядок.

— А теперь — сказали они зайчонку, — пожалуйста, садись с нами кушать.

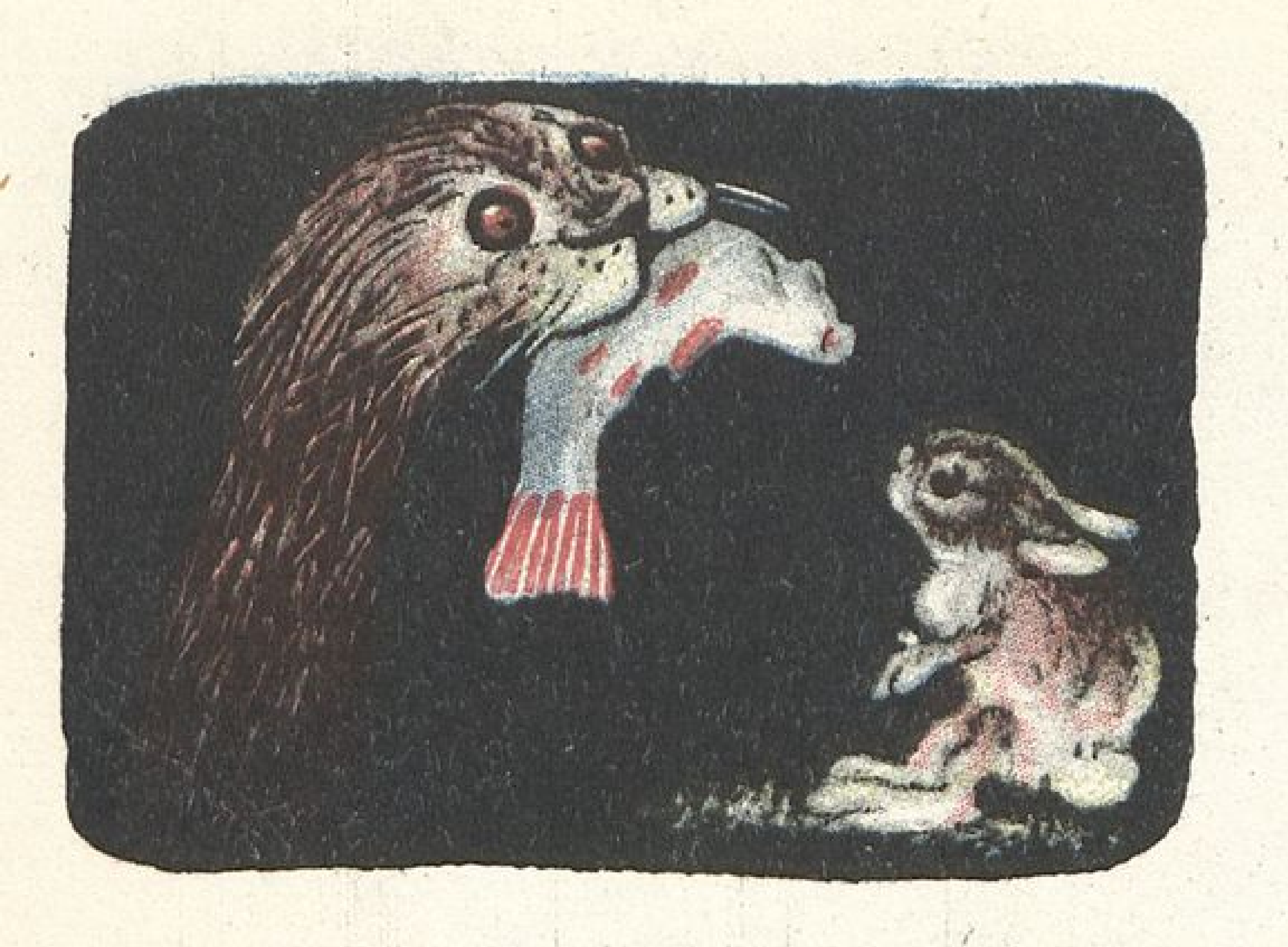
— Где у вас репка лежит? — спрашивает Листопадничек.

— Нет у нас репки, — отвечают бобры. — Бобры ивовую и осиновую кору кушают.

Отпробовал зайчонок бобрового кушанья. Горькой показалась ему твёрдая ивовая кора.

«Эх, видно, не видать мне больше сладкой репки!» подумал Листопадничек-зайчонок.

На другой день, когда ушли бобры на работу, запищали бобрята — просят есть.

Побежал Листопадничек в кладовую, а там у норы незнакомый зверь сидит, весь мокрый, в зубах большущая рыбина. Испугался Листопадничек страшного зверя, стал изо всех сил колотить лапками в стену, звать старых бобров.

Услыхали бобры шум, мигом явились. Выгнал старый Бобр из норы незваного гостя.

— Это разбойница выдра, — сказал Бобр, — она нам делает много зла, портит и разоряет наши плотины. Только ты не робей, зайчонок: выдра теперь не скоро покажется в нашей хатке. Я ей хороших тумаков надавал.

Выгнал Бобр выдру, а сам — в воду. И опять остался Листопадничек с бобрятами в сырой тёмной хатке.

Много раз слышал он, как подходила к хатке, принюхиваясь, хитрая лисица, как бродила возле хатки злая рысь. Жадная росомаха пробовала ломать хатку.

За долгую зиму большого страху натерпелся Листопадничек-зайчонок. Часто вспоминал он своё тёплое гнездо, старую мать-зайчиху.

Раз случилась на лесной речке большая беда. Ранней весною прорвала вода построенную бобрами большую плотину. Стало заливать хатку.

— Вставайте! Вставайте! — закричал старый Бобр. — Это выдра испортила нашу плотину.

Бросились вниз бобрята — бултых в воду! А вода всё выше и выше. Подмочила зайчонку хвостик.

— Плыви, зайчонок! — говорит старый Бобр. — Плыви, спасайся, а то пропадёшь!

У Листопадничка со страху хвостик дрожит. Очень боялся холодной воды робкий зайчонок.

— Ну, что с тобой делать? — сказал старый Бобр. — Садись на мой хвост да держись крепче. Я научу тебя плавать и нырять.

Уселся зайчонок на широкий бобровый хвост, крепко лапками держится. Нырнул Бобр в воду, хвостом вильнул, — не удержался, как пуля, вылетел Листопадничек из воды. Волей-неволей пришлось к берегу плыть самому. Вышел на берег, фыркнул, встряхнулся и — со всех ног на родное болото.

А старая зайчиха с зайчатами спала в своём гнезде. Обрадовался Листопадничек, прижался к матери.

Не узнала сразу зайчиха своего зайчонка.

— Ай, ай, кто это?

— Это я, — сказал Листопадничек. — Я из воды. Мне холодно, я очень озяб.

Обнюхала, облизала Листопадничка зайчиха, положила спать в тёплое гнездо. Крепко-крепко заснул возле матери в родном гнезде Листопадничек.

Утром собрались слушать Листопадничка зайцы со всего болота.

Рассказал он братьям и сёстрам, как бегал за журавлями в тёплые страны, как жил у бобров, как научил его старый Бобр плавать и нырять.

С тех пор по всему лесу прослыл Листопадничек самым храбрым и отчаянным зайцем.

Поздняя осень

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рис. М. РОДИОНОВА

На перепаханных голых полях, за деревнею, давно убрали колхозники последний крупный картофель.

Позднею осенью срезали на огородах зрелую капусту — высокими кучами лежали тяжёлые светлозелёные кочаны.

Пусто и голо на убранных тёмных полях.

На краю леса ещё краснеет обсыпанная ягодами высокая рябина, яркими бусами алеют на опустевшем огороде ягоды калины.

Кудрявый можжевельник обсыпан чёрными бусами — ждёт не дождётся снегу.

Травы и деревья поют последнюю песню, хвалят землю, хвалят жаркое солнце, хвалят тёплые дожди.

Белка нагребла в лесу орехов — на подбор ядрёные! — ждёт осенних дождей: белке и кроту от мокроты беспокойство. А зимой пойдёт скакать по еловым макушкам, швыряться шишками.

Отпотевают в комнате окна, а ветер — чаще и шибче.

Далеко в море...

ЛЕВ КАССИЛЬ

Рис. В. БИБИКОВА

9. МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ

Кто первым на корабле узнаёт все новости на свете? Кто раньше всех слышит, где какая погода, сколько градусов жары в Африке, какой мороз за Северным полярным кругом, о чём говорили министры в Лондоне, сколько людей осталось без работы в Америке и кто выиграл вчера в Москве: «Спартак» или «Динамо»?

Кто всё узнает самым первым?

Ну, конечно, радист, любопытный радист, разговорчивый радист. Добрый у него нрав, хороший слух. Он сидит в своей маленькой каютке наверху. Глаза у него открыты, но он ничего не видит, кроме своего аппарата. Уши у него закрыты чёрными чашечками, но зато слышат всё на свете. Голова радиста стиснута скобой с наушниками. Пальцы вертят рукоятки, нажимают на ключ аппарата. И корабельный наш радист говорит со всем миром. Всё слышит, всем отвечает. Москву слышит он и Лондон, Севастополь и Париж. То перекинется словечком с кораблём, что плывет у берегов Южной Америки, то запишет приказ командиру корабля из Москвы. А под конец передаст привет знакомой москвичке-радистке.

Ти-ти-ти, та-та-та!—поют, пищат далёкие сигналы в его маленькой каюте. — По-по-по, па-па-па!.. Ту-ту-ту, тэ-тэ-тэ!

И каждого, с кем разговаривает наш корабельный радист, он знает по звуку, по голосу, по почерку. Вот этот тихий, медленный — это Лондон. Вот этот быстрый, бойкий, тоненький — Одесса. А громкий, ровный, густой — наша Москва.

Когда плыл наш корабль в океане, первым услышал радист, что надвигается буря. Всем кораблям с берега передали по радио: «Берегись, шторм идёт!..»

Радист сейчас же доложил об этом командиру. Командир приказал готовиться к шторму. На корабле всё покрепче привязали канатами, привернули винтами. Люки толстым брезентом покрыли. Стали ждать бури.

И задул вскоре ветерок. Заиграло море. Сперва белые барашки по нему побежали. Потом стало накатывать волны побольше. Мчатся они по морю, сверкая на солнце, словно всадники-рыцари, закованные в серебро, на шлемах — белые султаны из пены, а сзади синие плащи стелются. Скоро зашло солнце, почернело море, а пена ещё белее стала. Большие валы бредут, как сердитые старики-великаны. Идут, горбятся, грозятся, мотают седой кудлатой головой и валятся ничком на корабль. А вот уже и не великаны, а целые водяные горы движутся. И с вершин их рушится пена. словно снежная лавина.

Шторм в море.

Корабль стало швырять, заливать с трубой. По всему кораблю колючие сквозняки забегали. Каждая снасть по-своему воет, каждый винтик по-своему скрипит, через всякую щёлочку вода сочится.

Всё кувырком летит, что не привязано на корабле. Сидит радист в своей каюте, уцепился за стол руками. Чуть его из кресла качка не выкидывает. Но радист знай себе слушает:

Ти-ти-ти... та-та-та... Пе-пе-пе... па-па-па...

Переговариваются в море корабли. А где-то, слышно, музыка играет. Должно быть, на далёком берегу, где под ногами твёрдая земля, и прочные стены вокруг, и спокойная крыша над головой.

Вдруг услышал радист далёкий, очень тихий сигнал. Сперва даже ушам своим не поверил. «Показалось», думает. Потом зубы стиснул, глаза зажмурил, не дышит. «Нет, верно, не ошибся!»

Тью-тью-тью! Тии-тии-тии! Тью-тью-тью!..

Сразу узнал радист этот сигнал. Таким голосом только беда на море говорит, смертная беда. Три точки, три тире, три точки!.. Это значит: «Спасите наши души!»

И стало сразу тихо в наушниках радиста. Замолчали все корабли в море, все станции на берегу.

Слушают.

И наш радист слушает.

И слышит он: просит помощи какой-то иностранный корабль. Волной сломало у него руль. Стала на корабле машина. Буря гонит пароход на скалы. А на пароходе много пассажиров, дети там, женщины. Погибнут они. В такую бурю никому не спастись, если корабль ударит о скалы.

Схватил радист карандаш, всё записал и побежал доложить командиру. Командир уже с утра с мостика не сходит. Стоит около рулевого. В море вглядывается. Из мохнатых туч луна показалась. Море вокруг чёрное, с белыми полосами, как дикая зебра, лягается и на дыбы встаёт. Волны мостик заливают. А чуть стихнет ветер, и слышно, как в каюте у радиста тоненько и жалостливо зовёт сигнал: «Тью-тью-тью! Тии-тии-тии! Тью-тью-тью!» — «Спасите наши души!»

Выслушал командир радиста, прочёл всё, посмотрел в море, задумался. Решил.

— Где их место? Давайте карту!

Нашли на карте место, где пароход погибает. Опасное место. Скалы кругом. Подводные камни. Тут и в тихую погоду днём напороться можно. А в бурю и ночью — совсем гибель.

— Да-а-а, — сказал командир, — тяжёлая задачка. Интересно, кто нас спасать будет, если сами на скалы сядем. А всё таки людей в беде наши моряки не бросают. Этого нам характер не позволяет. Будем спасать.

Объявили аврал на корабле. Все наверх!

Подсчитали штурманы, сколько времени итти до того места, где иностранный пароход бедствует. Приказал командир машине прибавить ходу. А радист побежал в свою каюту, нахлобучил наушники, застучал ключом аппарата: держитесь, мол, идём на помощь!

А тот пароход уже еле слышно. Наверное, водой машину заливает, радио повредило у них.

Когда уже стало чуточку светать, закричали с мостика сигнальщики, что видят огни парохода. Скоро подошли поближе. Стало теперь видно, что болтается на огромных волнах большой пассажирский пароход. И несёт его прямо на камни, на острые скалы. Море кругом кипит, бьётся о камни. Во-время поспел наш корабль. Через полчаса уже поздно было бы. А на палубе парохода люди толпятся, кричат что-то, машут шапками. Рады, конечно, что спасать их пришли.

Только как тут спасать? Подойти близко нельзя — может волна корабли друг о друга ударить. Шлюпки спускать в такую погоду — гиблое дело. Захлестнёт, опрокинет и разобьёт. Решили тогда погибающий пароход брать на буксир, зацепить его толстым канатом и тянуть за собой в открытое море подальше от скал. А как туда, на пароход, тяжёлый канат подать? Близко же подойти нельзя...

Стали наши матросы лёгости бросать. На конце длинной верёвки гирька обмотанная. Раскрутит её над головой матрос и с размаху бросает. Летит лёгость, словно змея с тяжёлой головой.

Только никак матросы лёгость на тот пароход не добросят: далеко слишком.

Вызвался наш кочегар. Взял лёгость, раскрутил, бросил.

Нет, не долетела...

А корабль наш волнами заливает. Того и гляди, людей смоет с палубы. Трудно бросать.

Тогда вдруг говорит подручный кочегара, рослый, но с виду ленивый парень. Всегда он молчал, никогда первым ни с кем не заговаривал, а тут сам вызвался.

— Дайте мне, — говорит, — может, я тут пригожусь.

— Куда тебе! — отмахиваются от него матросы.

— Мы с братом, — говорит, — раньше лесорубами были, до войны, сосны валили. На самую высокую без промаха верёвку с петлёй закидывали.

— Дайте ему, — просит кочегар.

Дали парню лёгость. Взял он верёвку, примерился, стал на край борта. Волна корабль бьёт, кочегар подручного держит за ноги. А тот размахнулся, плечо отвёл, выгнулся весь, да как пустит лёгость! Взвилась над волнами она, будто чёрная ракета, и упала сверху на палубу того парохода. Поймали её там матросы, стали к себе тянуть. А к её концу наши моряки толстый стальной трос (канат) привязали. Подтянули матросы иностранного парохода стальной канат к себе на палубу, обмотали им там толстую железную тумбу. Стал наш корабль тащить за собой пароход. Натянулся канат. Но у воды в море страшная сила. Налетела волна, и лопнул канат, словно струна оборвалась. И ударило стальным концом младшего кочегара. Упал он без памяти. Чуть его за борт волной не смыло. Кинулся наш кочегар своего помощника спасать. А тот уже очнулся. Правая рука вся в кровь изодрана.

— Надо, — говорит, — канат потолще подать. Давай лёгость ещё брошу.

— У тебя же рука не годится, — говорят ему.

— А я, — говорит, — левша.

Взял он в левую руку лёгость. Только хотел размахнуться, да тут закричал боцман: «Ложись!» И все бросились на палубу. Накрыло корабль тяжёлой волной. Еле удержались люди на палубе. Встал помощник кочегара, встряхнулся, полез на край борта.

— Берегись! — кричат ему. — Куда ты?

А он отвечает:

— Ничего, мы лесорубы, нам всё нипочём. А там детишки, вон, гляди. Жалко...

И пустил опять лёгость с размаху левой рукой...

Скоро подали на иностранный пароход толстый шестидюймовый канат. Наш корабль взял пароход на буксир и медленно повёл его в открытый океан. Долго он вёл его за собой. За это время на пароходе механики руль починили, машину исправили. А тут и море успокоилось. И капитан иностранного парохода приехал на шлюпке, чтобы поблагодарить командира корабля за спасение. Спрашивает иностранный капитан:

— А что это за силач у вас такой и смельчак, что в эдакую бурю, стоя на краю

борта, до нас трос добросил? Наверное, он чемпион?

Показали иностранному капитану младшего кочегара. Хотел ему капитан руку пожать, а рука у того забинтована. А наши матросы ему подсказывают: «Раз ты левша, ничего, жми левой».

Ну, пожал парень своей левой руку иностранному капитану. Да, видно, перестарался: капитан даже поморщился и долго тихонько пальцы тёр. А потом пригласили нашего командира и с ним моряков в гости на иностранный корабль. Отправились наши.

Встретили их на пароходе с музыкой. Пассажиры все на палубу выбежали, шляпами машут, руки жмут, обнимают, целуют. В ладоши хлопают. Некоторые даже стали деньги, подарки предлагать за спасенье. Ну, наши, конечно, ничего не берут. Спасибо, мол, нам ничего не надо. Мы вас не за деньги спасали. Просто у нас такое воспитание. Нам характер иначе не позволяет.

Показали нашим морякам иностранный пароход. Большой корабль, красивый. Восемь этажей. Рестораны, магазины, сады на палубах. Музыка играет. Целый город на воде, а не пароход.

Хотели наши моряки на нижнюю палубу заглянуть, но капитан их туда пустить не захотел.

— Вниз, — говорит, — не ходите, там вам не интересно будет. Вы люди белые, а там разноцветный народ едет. Ну, словом, негры, китайцы. У нас их наверх не пускают.

— Ну, а белых вы туда пускаете? — спрашивает наш командир.

— Белый человек куда угодно на корабле итти может, — ответил иностранный капитан.

— Ну, вот и пустите нас тогда вниз, — требует наш командир.

Пришлось им пустить наших моряков вниз. А там грязь, духота, копоть — дышать нечем. В матросском кубрике мусор, койки узкие, теснота.

— Грязно живёте, — говорит наш кочегар иностранным матросам..

А старый механик иностранного парохода тихонько говорит нашему кочегару:

— А почему машина стала у нас в бурю? Да потому, что старая машина, её надо чинить давно было, либо новую ставить. А хозяин вместо этого ресторан велел украшать. Пальмы купил да ковры, мягкие диванчики.

— Одним словом, — говорит ему наш кочегар, — стелили мягко, а вышло жёстко на подводных камнях-то!

Вернулись наши моряки к себе на корабль.

— Да, — говорят, — красота у них, видать, только поверху пущена, а внизу-то жизнь незавидная...

Погудели друг другу на прощание корабли и разошлись в разные стороны. С иностранного парохода долго ещё махали шляпами спасённые пассажиры.

А вечером радист услышал, как все радиостанции стали передавать: «Советские моряки спасли пассажирский пароход...»

Сперва радист услышал это на французском языке, потом на итальянском. Сказали про то чехи и норвежцы. Заговорила об этом английская станция. И долго ещё твердили в разных уголках мира, на всех языках о славном поступке наших моряков.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Финист-ясный сокол

Русская народная сказка. Обработал Андрей Платонов

Жили в деревне крестьянин с женой. Было у них три дочери. Дочери выросли, а родители постарели, и вот пришло время, пришёл черёд — умерла у крестьянина жена. Стал крестьянин один растить своих дочерей. Все три его дочери были красивые и красотой равные, а нравом разные.

Старый крестьянин жил в достатке и жалел своих дочерей. Захотел он было взять во двор какую ни есть старушку-бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. А меньшая дочь Марьюшка сказала отцу:

— Не надобно, батюшка, бобылку брать, я сама буду по дому заботиться.

Марья радетельная была. А старшие дочери ничего не сказали.

Стала Марьюшка вместо своей матери хозяйство по дому вести. И всё-то она умеет, всё у неё ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкнув, тоже ладит с делом. Отец глядит на младшую дочь и радуется. Рад он был, что Марьюшка у него такая умница да работящая и нравом кроткая. А из себя Марьюшка была хороша — красавица писаная, и от доброты краса её прибавлялась. Сестры её старшие тоже были красавицы, только им всё мало казалось своей красоты, и они старались прибавить её румянами да белилами и ещё в обновки нарядиться. Сидят бывало две старшие сестрицы да целый день и охорашиваются, а к вечеру всё такие же, что и утром были. Заметят они, что день прошёл, сколько румян и белил они извели, а лучше не стали, и сидят сердитые. А Марьюшка устанет к вечеру, зато знает она, что скотина накормлена, в избе прибрано чисто, ужин она приготовила, хлеб на завтра замесила и батюшка будет ею доволен, — глянет она на сестёр своими радостными глазами и ничего им не скажет. А старшие сёстры тогда ещё более сердятся. Им кажется, что Марья-то утром не такая была, а к вечеру похорошела: с чего только — они не знают.

Пришла нужда отцу на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей:

— А что вам, детушки, купить, чем вас порадовать?

Старшая дочь говорит отцу:

— Купи мне, батюшка, полушалок, да чтоб цветы на нём большие были и золотом расписанные.

— А мне, батюшка, — средняя говорит, — тоже купи полушалок с цветами, что золотом расписанные, а посреди цветов чтоб красное было, а ещё купи мне сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблучках, чтобы они о землю топали.

Старшая дочь обиделась на среднюю и сказала отцу:

— И мне, батюшка, и мне купи сапожки с мягкими голенищами и с каблучками, чтоб они о землю топали, а ещё купи мне

перстень с камешком на палец — ведь я у тебя одна старшая дочь.

Отец пообещал купить подарки, какие наказали две старшие дочери, и спрашивает у младшей:

— А ты чего молчишь, Марьюшка?

— А мне, батюшка, ничего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

— Неправда твоя, Марьюшка! Как я тебя без подарка оставлю? Я тебе гостинец куплю.

— И гостинца не надо, батюшка, — говорит младшая дочь. — А купи ты мне, батюшка родимый, пёрышко Финиста-ясна сокола, коли оно дешёвое будет.

Поехал отец на базар, купил он старшим дочерям подарки, какие они наказали ему, а пёрышка Финиста-ясна сокола не нашёл. У всех купцов спрашивал.

— Нету, — говорили купцы, — такого товара; спросу, — говорят, — на него нету.

Не хотелось отцу обижать младшую дочь, свою работящую умницу, однако воротился он ко двору, а пёрышка Финиста-ясна сокола не купил.

А Марьюшка и не обиделась. Она обрадовалась, что отец домой вернулся, и сказала ему:

— Ништо, батюшка. В иной раз поедешь, тогда оно и купится, пёрышко мое.

Прошло время, и опять отцу нужда на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей, что им купить в подарок: он добрый был.

Большая дочь говорит:

— Купил ты мне, батюшка, в прежний раз сапожки, так пусть кузнецы подкуют теперь каблучки на тех сапожках серебряными подковками.

А средняя слышит старшую и говорит:

— И мне, батюшка, тоже, а то каблучки стучат, а не звенят, пусть они звенят. А чтоб гвоздики из подковок не потерялись, купи мне ещё серебряный молоточек: я им гвоздики подбивать буду.

— А тебе чего купить, Марьюшка?

— А погляди, батюшка, пёрышко от Финиста-ясна сокола: будет ли, нет ли!

Поехал старик на базар, дела свои скоро сделал и старшим дочерям подарки купил, а для младшей до самого вечера пёрышко искал, и нет того пёрышка, никто его в покупку не дает. Вернулся отец опять без подарка для младшей дочери. Жалко ему стало Марьюшку, а Марьюшка улыбнулась отцу и горя своего не показала, стерпела.

Пришло время, поехал отец опять на базар.

— Чего вам, дочки родные, в подарок купить?

Старшая подумала и сразу не придумала, чего ей надо.

— Купи мне, батюшка, чего-нибудь.

А средняя говорит:

— И мне, батюшка, купи чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь ещё что-нибудь.

— А тебе, Марьюшка?

— А мне купи ты, батюшка, одно пёрышко Финиста-ясна сокола.

Поехал старик на базар. Дела свои сделал, старшим дочерям подарки купил, а для младшей ничего не купил: нету того пёрышка на базаре.

Едет отец домой, и видит он: идёт по дороге старый старик, старше его, вовсе ветхий.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй и ты, милый! О чём у тебя кручина?

— А как ей не быть, дедушка! Наказывала мне дочь купить ей одно пёрышко Финиста-ясна сокола. Искал я ей то пёрышко, а его нету. А дочь-то она у меня меньшая, пуще всех мне её жалко.

Старый старик задумался, а потом и говорит:

— Ин, так и быть!

Развязал он заплечный мешок и даёт оттуда одно пёрышко.

— Спрячь, — говорит, — пёрышко от Финиста-ясна сокола. Да упомни ещё: есть у меня один сын; тебе дочь жалко, а мне сына. Ан, не хочет мой сын жениться, а уж время ему пришло. Не хочет — неволить нельзя. И сказывает он мне: кто-де попросит у тебя это пёрышко, ты отдай, говорит, это невеста моя просит.

Сказал свои слова старый старик — и вдруг нету его, исчез неизвестно куда: был он или не был?

Остался отец Марьюшки с пёрышком в руках. Видит он то пёрышко, а оно серое, простое. А купить его нельзя было нигде.

Вспомнил отец, что старый старик ему сказал, и подумал: «Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит: не знавши, не видавши, выйти замуж неведомо за кого».

Приехал отец домой, подарил подарки старшим дочерям, а младшей отдал серое пёрышко.

Нарядились старшие сестры и посмеялись над младшей.

— А ты воткни свое воробьиное пёрышко в волосы да красуйся.

Марьюшка промолчала, а когда в избе легли все спать, она положила перед собой простое серое пёрышко Финиста-ясна сокола и стала им любоваться. А потом Марьюшка взяла пёрышко в свои руки подержала его при себе, поласкала и нечаянно уронила на пол.

Тотчас ударился кто-то в окно, окно открылось, и влетел в избу Финист-ясный сокол. Приложился он до полу и обратился в прекрасного молодца. Закрыла Марьюшка окно и стала с молодцом разговор разговаривать. А к утру отворила Марьюшка окно, приклонился молодец до полу, обратился молодец в ясного сокола, а сокол оставил по себе простое серое пёрышко и улетел в синее небо. Днём он летал по поднебесью, над полями, над лесами, над горами, над морями, а поздно вечером прилетал к Марьюшке и делался добрым молодцем.

На четвёртую ночь старшие сестры расслышали тихий разговор Марьюшки, услышали они и чужой голос доброго молодца, а наутро спросили младшую сестру:

— С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

— А я сама себе слова говорю, — ответила Марьюшка. — Подруг у меня нету, днём я в работе, говорить мне некогда, а ночью я беседую сама с собою.

Послушали старшие сестры младшую, да не поверили ей.

Сказали они батюшке:

— Батюшка, а у Марьи-то нашей суженый есть, она по ночам с ним видится и разговор с ним разговаривает. Мы сами слыхали.

А батюшка им в ответ:

— А вы бы не слушали! — говорит. — Чего у нашей Марьюшки суженому не

быть? Худого тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла. Придёт и вам черёд.

— Так Марья-то не по череду суженого своего узнала, — сказала старшая дочь. — Мне бы сталось первее её замуж выходить.

— Оно — правда твоя, — рассудил батюшка. — Так судьба-то не по счёту идёт. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с младости всем людям мила.

Сказал так отец старшим дочерям, а сам подумал:

«Иль уж слово того старого старика сбывается, что пёрышко мне подарил; беды-то нету, да хороший ли человек будет суженый у Марьюшки?»

А у старших дочерей свое желание было. Как стало время на вечер, Марьюшкины сёстры вынули ножи из черенков, а ножи воткнули в раму окна и вкруг него, а кроме ножей, воткнули ещё туда острые иголки да осколки стекла. Марьюшка в то время корову в хлеву убирала и ничего не видала.

И вот, как стемнело, летит Финист-ясный сокол к Марьюшкиному окну. Долетел он до окна, ударился об острые ножи да об иглы и стёкла, бился-бился, всю грудь изранил, а Марьюшка уморилась за день в работе, задремала, ожидаючи Финиста-ясна сокола, и не слышала, как бился её сокол в окно.

Тогда Финист сказал громко:

— Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдёшь меня, хоть и далеко я буду. А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов о траву подорожную сотрёшь, три хлеба каменных изглодаешь.

И услышала Марьюшка сквозь дрёму слова Финиста, а встать, пробудиться не могла. Утром пробудилась она, загоревало её сердце, посмотрела она в окно, а в окне кровь Финиста на солнце сохнет. Заплакала тогда Марьюшка, отворила она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста-сокола. Слёзы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью суженого и стала ещё краше.

Пошла Марьюшка к отцу и сказала ему:

— Не брани меня, батюшка, отпусти меня в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, а помру — на роду, знать, мне было написано.

Жалко было отцу отпускать неведомо куда любимую младшую дочь. А неволить её, чтоб дома она жила, нельзя. Знал отец: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Простился он с любимой дочерью и отпустил её.

Кузнец сделал Марьюшке три пары башмаков железных и три посоха чугунных, взяла ещё Марьюшка три каменных хлеба, поклонилась она батюшке и сёстрам, могилу матери навестила и отправилась в путь-дорогу, искать желанного Финиста-ясна сокола.

Идёт Марьюшка путём-дорогою. Идёт она не день, не два, не три дня, — идёт она долгое время. Шла она и чистым полем и тёмным лесом, шла и высокими горами. В полях птицы ей песни пели, тёмные леса её привечали, с высоких гор она всем миром любовалась. Шла Марьюшка столько, что одну пару башмаков железных она износила, чугунный посох о дорогу истёрла и каменный хлеб изглодала, а путь её все не кончается и нету нигде Финиста-ясна сокола.

Вздохнула тогда Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать и видит избушку в лесу. А уж ночь наступила.

Подумала Марьюшка: «Пойду в избушке людей спрошу, не видали они моего Финиста-ясна сокола».

Постучалась Марьюшка в избушку. Жила в той избушке одна старуха — добрая или злая, про то Марьюшка не знала. Отворила старушка сени, стоит перед ней красная девица.

— Пусти, бабушка, ночевать.

— Входи, голубушка, гостьей будешь. А далеко ли ты идёшь, молодая?

— Далеко ли, близко, сама не знаю, бабушка. А ищу я Финиста-ясна сокола. Не слыхала ли ты про него, бабушка?

— Как не слыхать! Я старая, давно на свете живу, я про всех слыхала. Далеко тебе итти, голубушка!

Наутро хозяйка-старуха разбудила Марьюшку и говорит ей:

— Ступай, милая, теперь к моей середней сестре, она старше меня и ведает больше; может, она добру тебя научит и скажет, где твой Финист живёт. А чтоб ты меня, старую, не забыла, возьми-ка вот серебряное донце да золотое веретёнце, станешь кудель прясть — золотая нитка потянется. Береги мой подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет — сама его подари.

Марьюшка взяла подарок, полюбовалась им и сказала хозяйке:

— Благодарствую, бабушка. А куда же мне итти, в какую сторону?

— А я тебе клубочек дам, самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку — и клубочек остановится, тебя ожидать будет.

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком.

Долго ли, коротко ли шла Марьюшка, пути она не считала, сама себя не жалела, а видит она — леса стоят тёмные, страшные, в полях трава растёт нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землёй не поют. Шла Марьюшка всё далее, всё скорее она спешила, глядь — опять переобуваться надо: другая пара башмаков железных износилась, и посох чугунный о землю истёрся, и каменный хлеб она изглодала.

Села Марьюшка переобуться. Видит она — чёрный лес близко и ночь наступает, а в лесу в одной избушке огонёк зажгли в окне.

Клубочек покатился к той избушке. Пошла за ним Марьюшка и постучалась в окошко.

— Хозяева добрые, пустите ночевать.

Вышла на крыльцо избушки старуха, старее той, что прежде привечала Марьюшку.

— Куда идёшь, красная девица? Кого ты ищешь на свете?

— Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. Была я у одной старушки в лесу, ночь у неё ночевала, она про Финиста слыхала, а не ведает его. Может, сказывала, середняя её сестра ведает.

Пустила старуха Марьюшку в избу. А наутро разбудила гостью и сказала ей:

— Далеко тебе искать Финиста будет. Ведать про него ведала, да где он, не знаю. Иди ты теперь к нашей старшей сестре, она

и знать должна. А чтоб помнила ты обо мне — возьми от меня подарок. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.

И дала хозяйка-старушка своей гостье серебряное блюдо и золотое яичко.

Попросила Марьюшка у старой хозяйки прощенья, поклонилась ей и пошла вослед клубочку.

Идёт Марьюшка, а земля вокруг неё вовсе чужая стала. Смотрит она — один лес на земле растёт, а чистого поля нету. И деревья, чем далее катится клубок, всё выше растут. Совсем темно стало; солнца и неба не видно.

А Марьюшка и по темноте всё шла да шла, пока железные башмаки её насквозь не истоптались, а посох о землю не истёрся и покуда последний каменный хлеб она до остатней крошки не изглодала.

Огляделась Марьюшка: как ей быть? Видит она свой клубочек, лежит он под окошком у лесной избушки.

Постучалась Марьюшка в окно избушки.

— Хозяева добрые, укройте меня от тёмной ночи!

Вышла на крыльцо древняя старушка, самая старшая сестра всех старух.

— Ступай в избу, голубка, — говорит.— Ишь, куда как далече пришла! Далее и не живёт на земле никто, я крайняя. Тебе в иную сторону завтра с утра надобно путь держать. А чья ж ты будешь и куда идёшь?

Отвечает ей Марьюшка:

— Я не здешняя, бабушка. А ищу я Финиста-ясна сокола.

Поглядела старшая старуха на Марьюшку и говорит ей:

— Финиста-сокола ищешь? Знаю я, знаю его. Я давно на свете живу, уж так давно, что всех узнала, всех запомнила.

(Окончание в следующем №)

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ, ПОМЕЩЁННЫЕ В № 9

1. На карте. 2. Книга. 3. Тетрадка.

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ, ПОМЕЩЁННЫЕ В № 10

1. Солнце. 2. Замок. 3. Калоши. 4. Дождь. 5. Молния и гром.

ПЕРВЫМИ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ в №№ 6, 7, 8 и 9 ПРИСЛАЛИ: Вова Клычик и Нелли Грипп (Москва), Вова Волков (г. Орехово-Зуево), Лев Борисов (г. Бологое), Женя Артемьева (Порожская школа Новгородской области), Магомед Рабаданби (Махач-Кала), Галя Фарадтова (г. Наманган), Д. Макаэлян (г. Ереван), Рогнеда Красовская (р. Раквире), Лев Орлов (г. Минск).

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Была репа важная,
Дивилась старуха каждая;
Одним днём не обойдёшь кругом.
Всей деревней ели целую неделю.
Одну корку наложили,
Так телегу обломили!

Из записей народного творчества О. И. Капицы, Виноградовой и А. Е. Кудряшовой

Рис. на обложке А. ПАХОМОВА

Рукописи не возвращаются — Техн. редактор З. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать четвёртый — Цена 1 руб. — Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 16|XI 1947 г. А08789. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 1943.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.